

5	0069	ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ	"Оловянные солдатики"	Часть 1 "В раю"
6*	0069-2	ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ	"Оловянные солдатики"	Часть 2 "В пивной"

«ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ» (Коренблит – Эренбург)

Не похороненным воинам посвящается

От собеседника

Илья Эренбург многим известен как прозаик и публицист, автор мемуаров "Люди, годы, жизнь", в связи с чем рассматривается как писатель-драматург нежели поэт, однако для меня он в первую очередь является таковым в ряду других великолепных поэтов Серебряного века. И.Э. прошел через четыре войны(!), лично сам видел все её ужасы, смог проанализировать происходящее и философски преобразить в сжатые поэтические формулировки, от чего войны стали ещё страшней и бессмысленней. В стране, люди которой не видели по существу мира, а время между войн можно спокойно рассматривать как передышку перед новыми сражениями об этом написано и переписано много стихов, повестей, рассказов и мемуаров, поэтому трудно найти свой собственный взгляд на это Зло. И этот новый обобщающий подход мне подарил И.Э., благодаря чему мне удалось внести свой посильный вклад в защиту Земли от уничтожения.

Этот Нотный портрет – выражение моего стыда перед незахороненными воинами, могилы которых стоили бы во много раз дешевле "увековечивания их памяти".

"Оловянные солдатики" - это игрушки в руках недоразвитых политиков, которые недоиграв в детстве продолжают играть повзрослев, вернее прибавив в возрасте, дорвавшись до власти, как кот до сметаны. Не знаю как в других странах, а в России поигравшись вволю стало принято с 1917 г. оставлять сломанный "мусор" на полях сражений. До сих пор белеют кости солдат, брошенных в брянских и смоленских лесах, еще живы люди, которые их ждут. А недоделанные вожжи с оловянными головами уже оставляют новые трупы без могил и слёз близких, откупаясь новыми мемориалами и храмами, обрекая нас и наших детей на новые переплавки в прах и тлен,

"В раю" - да, именно туда они попадают, погибшие как святые мученики безвинно (единственная "вина" их в том, что они родились не там и не в то время), выручая своих тупоголовых правителей.

"В пивной" – единственное место, где отвоевавшие "отходы" войны могут "залечить" хоть на короткое время свои душевные раны, ведь церковь молчит, трясясь за своё благополучие. Где же ещё им найти утешение?

Ваш Станислав Коренблит

ЧАСТЬ 1 «В РАЮ»

1. Закон - 1.26
2. Дуй, время! - 1.47
3. Желчь земли - 1.22
4. Война - 1.22
5. На войну - 1.00
6. Не забыть - 2.12
7. Прости! - 1.15
8. Притча - 1.37
9. Оловянные солдатики - 1.16
10. Погоди, любимый - 1.08
11. Так ждать - 0.47
12. Бегство - 0.55
13. Уснувший город - 1.04

14. Перед бомбежкой	- 0.55
15. Хозяин жизни	- 1.51
16. Горсть земли	- 1.05
17. Убей	- 1.04
18. Рубка	- 1.14
19. Не выдать	- 1.08
20. После боя	- 1.27
21. Солдатское сердце	- 2.06
22. Ненависть	- 0.40
23. Наступление	- 1.28
24. Мы молчали	- 1.13
25. Чужая тишина	- 1.31
26. Убитая богиня	- 1.25
27. Мёртвый город	- 1.12
28. В раю	- 1.20
29. Кукушка	- 0.50

Общее время звучания - 37.40

Общее время звучания – 73.06

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1 «В РАЮ»

1. ЗАКОН

Есть в хаосе самый высокий строй,
Тот замысел, что кажется игрой,
И, может быть, начертит астроном
Орбиту сердца, тронутого сном.
Велик и дивен океана плач.
У инея учился первый ткач.
Сродни приливам и корням близка
Обыкновенной женщины тоска.
И есть закон для смертоносных бурь
И для горшечника, кладущего глазурь, -
То ход страстей, и зря зовут судьбой
Отлеты птиц иль орудийный бой.
Художнику свобода не дана,
Он слышит, что бормочет тишина,
И, как лунатик, выйдя в темноту,
Он осязает эту темноту.
Не переставить звуки и цвета,
Не изменить кленового листа,
И дружбы горяча тяжелая смола,
И вечен след от легкого весла.

2. ДУЙ, ВРЕМЯ!

Я не трубач - труба. Дуй, Время!
Дано им верить, мне звенеть.
Услышат все, но кто оценит,
Что плакать может даже медь?
Он в серый день припал и дунул,
И я безудержно завыл,

Простой закат назвал кануном
 И скуку мукой подменил.
 Старались все себя превысить -
 О ком звенела медь? О чем?
 Так припадали губы тысяч,
 Но Время было трубачом.
 Не я, рукой сухой и твердой
 Перевернув тяжелый лист,
 На смотр веков построил орды
 Слепых тесальщиков земли.
 Я не сказал, но лишь ответил,
 Затем что я не властный ветер,
 Но только бедный человек.
 И кто поймет, что в сплаве медном
 Трепещет вкрапленная плоть,
 Что прославляю я победы
 Меня сумевших побороть?

3. ЖЕЛЧЬ ЗЕМЛИ

Тяжелы несжатые поля,
 Золотого века полнокровье.
 Чем бы стала ты, моя земля,
 Без опустошающей любви?

Да, любовь, и до такой тоски,
 Что в зените леденеет сердце,
 Вместо глаз кровавые белки
 Смотрят в хаотические сферы.

Закипает глухо желчь земли,
 Веси заливаает бунта лава,
 И горит Нерукотворный Лик,
 Падает порфиновая слава.

О, я тоже пил твоё вино!
 Ты глаза потушила, весталка,
 Проливая в каменную ночь
 Первые разрозненные залпы.

4. ВОЙНА

Сбегают с гор, грозят и плачут,
 Стреляют, падают, ползут.
 Рассохся парусник рыбачий,
 И винодел срубил лозу.
 Закутанные в одеяла,
 Посты застыли начеку.
 Война сердца освежевала
 И выпустила в ночь тоску.
 Рука пощады не попросит.
 Слова врага не обелят.

Зовут на выручку колосья,
 Родные жадные поля.
 Суров и грозен боя воздух,
 И пулемета голос лют.
 А упадешь - земля и звезды,
 И путь один - как кораблю.

5. НА ВОЙНУ

Уходили маленькие дети -
 Ванечки и Петеньки,
 Уходили на войну.
 Ну! Ну!
 Пейте! Бейте!
 Бейтесь! Смейтесь!
 На вокзальной скамейке!

Какой пухлый профиль,
 И заботливо прицеплена фляжка.
 Он сегодня утром еще пил кофе
 С мамашей.
 Пили и забыли.
 Уходили.
 Не глядели, не скорбели.
 Пили, пели.

Чад ли? Жар ли?
 Солнце в лужи тычется.
 Скоро снег последней марли
 Скроет личико.
 Вечер светится.
 Отдыхают усталые люди.
 А нового Петеньки
 Больше не будет.

6. НЕ ЗАБЫТЬ

Мяли танки теплые хлеба,
 И горела, как свеча, изба.
 Шли деревни, не забыть вовек
 Визга умирающих телег,
 Как лежала девочка без ног,
 Как не стало на земле дорог.
 Но тогда на жадного врага
 Ополчились нивы и луга,
 Разъярился даже горчицвет,
 Дерево и то стреляло вслед,
 Ночью партизанили кусты
 И взлетали, как щепы, мосты,
 Шли с погоста деды и отцы,
 Пули подавали мертвецы,

И, косматые, как облака,
 Врукопашную пошли века.
 Шли солдаты бить и перебить,
 Как ходили прежде молотить,
 Смерть предстала им не в высоте,
 А в крестьянской древней простоте,
 Та, что пригорюнилась, как мать,
 Та, которой нам не миновать.
 Затвердело сердце у земли,
 А солдаты шли, и шли, и шли,
 Шла Урала тёмная руда,
 Шли, гремя, железные стада,
 Шел Смоленщины дремучий бор,
 Шел глухой, зазубренный топор,
 Шли пустые, тусклые поля,
 Шла большая русская земля.

7. ПРОСТИ!

Ты простил змее ее страшный яд!
 Ты простил земле ее чад и смрад!
 Ты простил того, кто тебя бичевал!
 И того, кто тебя целовал,
 Ты простил!

За всё, что я совершил,
 И за всё, что свершишь каждый миг я готов,
 За ветром взрытое пламя,
 За скуку грехов
 И за тайный восторг покаянья
 Прости меня, господи!

Труден полдень, и страшен вечер.
 Длится бой.
 За страх мой, за страх человеческий,
 За страх пред тобой
 Прости меня, господи!

Я лязг мечей различаю.
 Длится бой. Я кричу: "Победи!"
 Я кричу, но кому - не знаю.
 За то, что смерть еще впереди, -
 Прости, прости меня, господи!

8. ПРИТЧА

Ни к богатым, ни к косматым,
 Ни к мохнатым медвежатам,
 Ни к арапам косолапым,
 Ни к собакам, ни к чертякам, -
 Шла смерть в мою клетушку,
 За мой стол, до моих детушек.

Я просил: "Не тронь детенышей!"
 А она взяла и тронула.
 "Ты не гладь" - она погладила,
 Всем дала по виноградине,
 Увела и след приметила,
 Замела хвостами песьими,
 А к себе пришла, проклятая,
 Завизжала и заплакала,
 Плача, пеленала трупики,
 Пестовала и баюкала:
 "Я-га-га! У-лю-лю!
 На-по-ю! На-кор-млю!"

9. ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

На закате
 Было особенно душно.
 Приходили оловянные солдатики
 И стреляли из маленьких пушек.
 Старший цедил какую-то шутку.
 Дымила трубка.
 Дрогнули тела, повалились рядами,
 Сокрушенные зорким огнем.
 И видел и плакал Каменщик
 Над гиблым трудом.
 К ночи пришли влюбленные девы,
 Грудью прильнули к вспаханному полю,
 К полю, сытому от цельного хлеба
 И от соли.
 (О, как нежные губы жжет
 Смертный пот!)
 А в деревне выла собака,
 Вспоминая жильё,
 Выла, что что-то было
 И что иссякло
 Всё.

10. ПОГОДИ, ЛЮБИМЫЙ

Умереть и то казалось легче.
 Был здесь каждый камень мил и дорог.
 Вывозили пушки. Жгли запасы нефти.
 Падал черный дождь на черный город.
 Женщина сказала пехотинцу
 (Слезы черные из глаз катились):
 "Погоди, любимый, мы простимся", -
 И глаза его остановились.
 Я увидел этот взгляд унылый.
 Было в городе черно и пусто.
 Вместе с пехотинцем уходило
 Темное, как человек, искусство.

11. ТАК ЖДАТЬ

Так ждать, чтоб даже память вымерла,
 Чтоб стал непроходимым день,
 Чтоб умирать при милом имени
 И догонять чужую тень,
 Чтоб не довериться и зеркалу,
 Чтоб от подушки утаить,
 Чтоб свет своей любви и верности
 Зарыть, запрятать, затемнить,
 Чтоб пальцы невзначай не хрустнули,
 Чтоб вздох и тот зажать в руке.
 Так ждать, чтоб, мёртвый, он почувствовал
 Горячий ветер на щеке.

12. БЕГСТВО

Уходят улицы, узлы, базары,
 Танцоры, костыли и сталевары,
 Уходят канарейки и матрацы,
 Дома кричат: "Мы не хотим остаться",
 А на соборе корчатся уродцы, -
 Уходит жизнь, она не обернется.
 Они идут под бомбы и под пули,
 Лунатики, они давно уснули,
 Они идут, они еще живые,
 Но перед ними те же часовые,
 И тот же сон, и та же несвобода,
 И в беге нет ни цели, ни исхода:
 Уйти нельзя, нельзя мечтать о чуде,
 И всё ж они идут, не камни - люди.

13. УСНУВШИЙ ГОРОД

В городе брошенных душ и обид
 Горе не спросит и ночь промолчит.
 Ночь молчалива, и город уснул.
 Смутный доходит до города гул:
 Это под темной больной синевой
 Мертвому городу снится живой,
 Это проходит по голой земле
 Сон о веселом большом корабле, -
 Ветер попутен, и гавань тесна,
 В дальнее плаванье вышла весна.
 Люди считают на мачтах огни;
 Где он причалит, гадают они.
 В городе горе, и ночь напролет
 Люди гадают, когда он придет.
 Ветер вздувает в ночи паруса.
 Мертвые слышат живых голоса.

14. ПЕРЕД БОМБЕЖКОЙ

Когда враждебным небо стало,
 Нарисовали мы дома,
 Прикрыли зеленью каналы
 И даже смерть свели с ума.
 Кто вырастил густые рощи,
 Кто город весь перевернул,
 Кто превратил пустую площадь
 В какой-то сказочный аул?
 Не так ли ночью перед боем
 Полуразбуженный солдат
 Преображает всё бывшее
 В один необозримый сад,
 Чтоб не было того, что было,
 Чтоб за минуту до конца
 Зеленая листва прикрыла
 Черты любимого лица.

15. ХОЗЯИН ЖИЗНИ

Есть перед боем час - всё выжидает:
 Винтовки, кочки, мокрая трава.
 И человек невольно вспоминает
 Разрозненные, темные слова.
 Хозяин жизни, он обводит взором
 Свой трижды восхитительный надел,
 Всё, что вчера еще казалось вздором,
 Что второпях он будто проглядел.
 Как жизнь недожита! Добро какое!
 Пора идти. А может, не пора?..
 Еще цветут горячие левкой.
 Они цвели... Вчера... Позавчера...

16. ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Мир велик, а перед самой смертью
 Остается только эта горстка,
 Теплая и темная, как сердце,
 Хоть ее и называли черствой,
 Горсть земли, похожей на другую, -
 Сколько в ней любви и суеверья!
 О такой и на небе тоскуют,
 И в такую до могилы верят.
 За такую, что дороже рая,
 За лужайку, дерево, болотце,
 Ничего не видя, умирают
 В час, когда и птица не проснется.

17. УБЕЙ!

Как кровь в виске твоём стучит,
 Как год в крови, как счёт обид,

Как горем пьян и без вина,
 И как большая тишина,
 Что после пуль и после мин,
 И в сто пудов, на миг один,
 Как эта жизнь – не ешь, не пей
 И не дыши – одно: убей!
 За сжатый рот твоей жены,
 За то, что годы сожжены,
 За то, что нет ни сна, ни стен,
 За плач детей, за крик сирен,
 За то, что даже образа
 Свои проплакали глаза,
 За горе оскорблённых пчел,
 За то, что он к тебе пришел,
 За то, что ты – не ешь, не пей,
 Как кровь в виске – одно: убей!

18. РУБКА

Не здесь, на обломках, в походе, в окопе,
 Не мертвых опрос и не доблести опись.
 Как дерево, рубят товарища, друга.
 Позволь, чтоб не сердце, чтоб камень, чтоб уголь!
 Работать средь выстрелов, виселиц, пыток
 И ночи крестить именами убитых.
 Победа погибших, и тысяч, и тысяч -
 Отлить из железа, из верности высечь, -
 Обрублены руки, и, настезь отверсто,
 Не бьется, врагами расклевано, сердце.

19. НЕ ВЫДАТЬ

Всё простота: стекольные осколки,
 Жар августа и духота карболки,
 Как очищают от врага дорогу,
 Как отнимают руку или ногу.
 Умом мы жили и пустой усмешкой,
 Не знали, что закончим перебежкой,
 Что хрупки руки и гора поката,
 Что договаривает всё граната.
 Редет жизнь, и утром на постое
 Припоминаешь самое простое:
 Не ревность, не заносчивую славу -
 Песочницу, младенчества забаву.
 Распались формы, а песок горячий
 Ни горести не знает, ни удачи.
 Осталась жизни только сердцевина:
 Тепло руки и синий дым овина,
 Луга туманные и зелень бука,
 Высокая военная порука -
 Не выдать друга, не отдать без боя

Ни детства, ни последнего покоя.

20. ПОСЛЕ БОЯ

Когда закончен бой, присев на камень,
 В грязи, в поту, измученный солдат
 Глядит еще незрячими глазами
 И другу отвечает невпопад.
 Он, может быть, и закурить попросит,
 Но не закурит, а махнет рукой.
 Какие жал он трудные колосья,
 И где ему почудился покой?
 Он с недоверьем оглядит избушки
 Давно ему знакомого села,
 И, невзначай рукой щеки коснувшись,
 Он вздрогнет от внезапного тепла.

21. СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

Был лютый мороз. Молодые солдаты
 Любимого друга по полю несли.
 Молчали. И долго стучали лопаты
 В упрямое сердце промерзшей земли.
 Скажи мне, товарищ... Словами не скажешь,
 А были слова - потерял на войне.
 Ружейный салют был печален и важен
 В холодной, в суровой, в пустой тишине.
 Могилу прикрыли. А ночью - в атаку.
 Боялись они оглянуться назад.
 Но кто там шагает? Друзьями оплакан,
 Своих земляков догоняет солдат.
 Он вместе с другими бросает гранаты,
 А если залягут, он крикнет "ура",
 И место ему оставляют солдаты,
 Усевшись вокруг золотого костра.
 Его не увидеть. Повестку о смерти
 Давно получили в далеком краю.
 Но разве уступит солдатское сердце
 И дружба, рожденная в трудном бою?

22. НЕНАВИСТЬ

Ненависть - в тусклый январский полдень
 Лед и сгусток замерзшего солнца.
 Лед. Под ним клокочет река.
 Рот забит, говорит рука.
 Нет теперь ни крыльца, ни дыма,
 Ни тепла от плеча любимой,
 Ни калитки, ни лая собак,
 Ни тоски. Только лед и враг.
 Ненависть - сердца последний холод.
 Всё отошло, ушло, расколосось.

Пуля от сердца сердце найдет,
Чуть задымится розовый лед.

23. НАСТУПЛЕНИЕ

Наступали. А мороз был крепкий.
Пахло гарью. Дым стоял тяжелый.
И вдали горели, будто щепки,
Старые насиженные села.
Догорай, что было сердцу любо!
Хмурились и шли еще поспешней.
А от прошлого остались трубы
Да на голом дереве скворешня.
Над золою женщина сидела, -
Здесь был дом ее, родной и милый,
Здесь она любила и жалела
И на фронт отсюда проводила.
Теплый пепел. Среди пустого снега
Что она еще припоминала?
И какое счастье напоследок
Руки смутные отогревало?
И хотелось бить и сквернословить,
Перебить - от жалости и злобы.
А вдали как будто теплой кровью
Обливались мертвые сугробы.

24. МЫ МОЛЧАЛИ

Мы молчали. Путь на запад шел
Мимо мертвых догоравших сел,
И лежала голая земля,
Головнями тихо шевеля.
Я запомню, как последний дар,
Этот сердце леденящий жар,
Эту ночь, похожую на день,
И среди пепла брошенную тень.
Запах гари едок, как беда,
Не отвяжется он никогда,
Он со мной, как пепел деревень,
Как белесая, больная тень,
Как огрызок вымершей луны
Средь чужой и новой тишины.

25. ЧУЖАЯ ТИШИНА

Обрывки проводов. Не позвонит никто.
Как человек, подмигивает мне пальто.
Хозяева ушли. Еще стоит еда.
Еще в саду раздавленная резеда.
Мы едем час, другой. Ни жизни, ни жилья.
Убитый будто спит. Смеется клок белья.
Размолот камень, и расщеплен грустный бук.

Леса без птиц, и нимфа дикая без рук.
 А в мастерской, средь красок, кружев и колец,
 Гранатой замахнулся на луну мертвец,
 И синевой припудрено его лицо.
 Как трудно вырастить простое деревцо!
 Опять развалины - до одури, до сна.
 Невыносимая чужая тишина.
 Скажи, неужто был обыкновенный день,
 Когда над детворой еще цвела сирень?

26. УБИТАЯ БОГИНЯ

Бомбы осколок. Расщеплены двери.
 Все перепуталось - боги и звери.
 Груды рассечены, крылья отбиты.
 Праздно зияют глазные орбиты.
 Ломкий, истерзанный, раненый камень
 Невыносим и назойлив, как память.
 (Что в нас от смутного детства осталось,
 Если не эта бесцельная жалость?)
 В полуразрушенном брошенном зале
 Беженцы с севера заночевали.
 Средь молчаливых торжественных статуй
 Стонут старухи и плачут ребята.
 Нимф и кентавров забытая драма -
 Только холодный поверженный мрамор.
 Но не отвяжется и не покинет
 Белая рана убитой богини.
 Грудь обнажив в простоте совершенства,
 Женщина бережно кормит младенца.
 Что ей ваятели? Созданы ею
 Хрупкие руки и нежная шея.
 Чмокают губы, и звук этот детский
 Нов и невнятен в высокой мертвецкой.

27. МЁРТВЫЙ ГОРОД

Номера домов, имена улиц,
 Город мертвых пчел, брошенный улей.
 Старухи молчат, в мусоре роясь.
 Не придут сюда ни сон, ни поезд,
 Не придут сюда от живых письма,
 Не всхлипнет дитя, не грянет выстрел.
 Люди не придут. Умереть поздно.
 В городе живут мрамор и бронза.
 Нимфа слез и рек - тишина, сжался! -
 Ломает в тоске мертвые пальцы.
 Маршалы, кляня века победу,
 На мертвых конях едут и едут.
 Мертвый голубок - что ему снится? -
 Как зерно, клюет глаза провидца.

А город погиб. Он жил когда-то,
Он бьется в груди забытых статуй.

28. В РАЮ

Издыхая и ноя,
Пролетал за поездом поезд,
И вдоль рельс на сбегающих склонах
Подвывали закланные жены.
А в вагоне каждый зуав
Пел высокие гимны.
(И нимфы
Стенали среди дубрав.)
"Ах, люблю я Мариетту, Мариетту
Эту.
Всё за ней хожу.
Где мы? Где мы? Где мы?
Я на штык мой десять немцев
Насажу!"
Дамы на штыки надели
Чужеземные цветы - хризантемы.
А рельсы всё пели и пели:
"Где же мы? Где мы?"
И кто-то, тая печаль свою.
Им ответил: "В раю".

29. КУКУШКА

На небо зенитки смотрят зорко,
А весна - весной, грачи - грачами.
Девушка в линиях гимнастерке
С яркими зелеными зрачками.
Покричала, поворчала пушка
И замолкла. Тишина какая!
Только долгий счет ведет кукушка
И, сбиваясь, снова начинает.
Девушка про счастье загадала,
Сколько жить ей - много или мало.
И зенитки на небо смотрели.
А кукушка просто куковала,
И деревья просто зеленели.